

УДК 009 + 316.25 + 316.7

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОДХОДОВ

Е. И. ЖЕШКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлена классификация работ, посвященных изучению феномена исторической памяти. Проведены системный и компаративный анализ этого феномена в рамках социально-гуманитарных подходов. Описаны ключевые черты направлений, относящихся к данным подходам. Установлено, что социологический подход в силу своего познавательного потенциала и возможности получения репрезентативной эмпирической базы может выступать ядром междисциплинарной стратегии исследования исторической памяти. Философский подход предстает перспективным для изучения новых сторон феномена исторической памяти в условиях отсутствия доступа к большому количеству источников информации. Антропологический подход позволяет установить соответствие между постулируемыми индивидами тезисами о содержании собственной исторической памяти и их проявлениями в повседневной жизни информантов. Политологический и психологический подходы дают возможность получить информацию о феномене исторической памяти с точки зрения аспектов, лежащих за пределами предметного поля социологии (закрепленной законодательно позиции органов власти относительно исторической памяти и ее бессознательного содержания). Исторический, лингвистический и литературоведческий подходы позволяют обратиться к изучению дополнительных источников, таких как фотографии, артефакты, материалы СМИ. Отмечено, что выводы, полученные с помощью каждого из подходов, вносят существенный вклад в понимание и трактовку феномена исторической памяти в конкретных социокультурных условиях.

Ключевые слова: историческая память; дисциплинарные подходы; социально-гуманитарные дисциплины.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь (грант № 20250848).

THE PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY THROUGH THE PRISM OF DISCIPLINARY APPROACHES

Ya. I. ZHESHKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article presents a classification of works devoted to the study of the phenomenon of historical memory. A systemic and comparative analysis of this phenomenon is conducted within the framework of social and humanitarian approaches. Key features of the areas related to these approaches are described. It is established that the sociological approach, due to its cognitive potential and the ability to obtain a representative empirical base, can serve as the core of an interdisciplinary strategy for the study of historical memory. A philosophical approach appears promising for studying new aspects of the phenomenon of historical memory in the absence of access to a large number of information sources. An anthropo-

Образец цитирования:

Жешко ЕИ. Феномен исторической памяти сквозь призму дисциплинарных подходов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2026;1:59–68.
EDN: GAUDMO

For citation:

Zheshka YaI. The phenomenon of historical memory through the prism of disciplinary approaches. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:59–68. Russian.
EDN: GAUDMO

Автор:

Егор Иванович Жешко – аспирант кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент А. А. Похомова.

Author:

Yahor I. Zheshka, postgraduate student at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
yahor.zheshka@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7393-8951>

logical approach allows us to establish a correspondence between the theses postulated by individuals about the content of their own historical memory and their manifestations in the everyday lives of informants. Political science and psychological approaches provide information on the phenomenon of historical memory from the perspective of aspects lying beyond the subject field of sociology (the legislatively enshrined position of government bodies regarding historical memory and its unconscious content). Historical, linguistic, and literary approaches allow us to turn to the study of additional sources, such as photographs, artifacts, and media materials. It is noted that the conclusions obtained using each of the approaches make a significant contribution to the understanding and interpretation of the phenomenon of historical memory in specific sociocultural conditions.

Keywords: historical memory; disciplinary approaches; social sciences and humanities.

Acknowledgements. This research was supported by the Ministry of Education of the Republic of Belarus (grant No. 20250848).

Введение

В настоящее время в Республике Беларусь сохранение исторической памяти остается актуальной задачей. Особое внимание в данном контексте уделяется работе с молодежью как стратегическому ресурсу развития государства. Этот факт подчеркивают Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко¹ и представители академической сферы страны – В. Г. Гусаков², Н. Л. Мысливец³, В. Ф. Гигин⁴. Сходная ситуация наблюдается в пределах Российской Федерации, а также на международном уровне [1]. Важность сохранения исторической памяти отмечают Президент Российской Федерации В. В. Путин⁵ и президент Российской академии наук Г. Я. Красников⁶. Значительное количество публикаций, посвященных этому феномену, является закономерным следствием указанных обстоятельств. По состоянию на июль 2025 г. количество публикаций по теме только на русском языке, согласно данным платформы научных цитирований *Google Scholar*, превышало 239,0 тыс. единиц. Добавление к этому перечню публикаций, в рамках которых в качестве центральной категории рассматриваются традиционно отождествляемые [2] с ней понятия коллективной и социальной памяти, увеличивает

это число до 554,7 тыс. единиц, а принятие во внимание трудов на английском языке позволяет говорить о наличии более чем 15 млн публикаций по данной теме. В связи с этим сложившаяся ситуация в области классификации научных подходов к изучению феномена исторической памяти предстает противоречивой. Исследователи фактически вынуждены прибегать к бессистемному анализу работ путем их отбора из всего массива публикаций по теме памяти, к рассмотрению трудов в рамках случайно выбранных подходов вне классификаций или обращению к классификации М. А. Булановой и Э. Д. Коркии [3], характеризующейся таким недостатком в описании подходов, как отсутствие обоснования для их разделения и отнесения авторов к определенным подходам. Сложившаяся ситуация затрудняет рассмотрение процесса изучения указанного феномена в исторической ретроспективе и концептуальной последовательности. В настоящем исследовании осуществлена попытка классифицировать работы, посвященные изучению феномена исторической памяти, а также критически проанализировать результаты исследований, полученных с помощью выделенных дисциплинарных подходов.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы методы системного и компаративного анализа. Материалами исследования послужили работы по теме исторической памяти

отечественных и зарубежных авторов. Общий объем рассмотренных работ составили 284 источника. Отобранные труды релевантны теме исследования,

¹Лукашенко о защите исторической памяти: надо делать еще больше, а расслабляться и верить покаяниям нельзя // БелТА : сайт. URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-o-zaschite-istoricheskoy-pamjati-nado-delat-esche-bolshe-a-rasslabljatsja-i-verit-711960-2025/> (дата обращения: 22.10.2025).

²Гусаков: важно обращаться к культурным истокам, знакомить молодежь с традициями и обычаями // Там же. URL: <https://www.belta.by/society/view/gusakov-vazhno-obraschatsja-k-kulturnym-istokam-znakomit-molodezh-s-traditsijami-i-obychajami-541465-2022/> (дата обращения: 22.10.2025).

³Николай Мысливец: наши исторические корни в прошлом нужно знать, сохранять и беречь (2022) // Могилёвские ведомости : портал. URL: <https://mogilevnews.by/news/04-02-2022-17-57/79034> (дата обращения: 22.10.2025).

⁴Гигин: День Независимости демонстрирует нашу приверженность исторической памяти, нашим идеалам // БелТА : сайт. URL: <https://belta.by/society/view/gigin-den-nezavisimosti-demonstriruet-nashu-priverzhennost-istoricheskoy-pamjati-nashim-idealam-724508-2025/> (дата обращения: 22.10.2025).

⁵Путин призвал сохранять историческую память // РИА Новости : сетевое изд. URL: <https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html> (дата обращения: 22.10.2025).

⁶Президент РАН призвал сохранять историческую правду о Великой Отечественной войне // Научная Россия : электрон. период. изд. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/prezident-ran-prizval-sohranat-istoriceskuu-pravdu-o-velikoj-otecestvennoj-vojne> (дата обращения: 22.10.2025).

они содержат ключевые слова и, как правило, имеют высокие показатели цитирования. В настоящей работе представлена информация об источниках данных, на основании которых авторы получили выводы, о применяемых ими для этого методах, а также описаны ключевые идеи исследователей, формирующие концептуальное ядро направлений рассматриваемых подходов. Список подходов базируется на перечне социально-гуманитарных научных дисциплин как институционально признанных областей, который был получен путем обращения к обретшей широкое

признание в академической среде классификации Дж. Кагана⁷. В данный список вошли философский, исторический, психологический, антропологический, литературоведческий, лингвистический, политологический, социологический и экономический дисциплинарные подходы. Отнесение автора к определенному подходу основано на академическом признании его вклада в дисциплину или членстве в соответствующих институтах; в случае отсутствия необходимых данных решение принималось на основании сведений академических справочников.

Результаты и их обсуждение

Следует отметить, что в рамках экономического подхода феномен исторической памяти не получил должного внимания со стороны научного сообщества. Этот вывод был изложен в обзорных работах представителей данной дисциплины [4; 5]. Таким образом, проанализировать подробнее работы авторов этого подхода, посвященные феномену исторической памяти, не представляется возможным. В связи с этим в настоящем исследовании

экономический подход упоминаться не будет. Необходимо отметить, что для представленных далее подходов характерно применение общелогических методов познания. На основе полученных результатов была разработана классификация научных подходов к изучению феномена исторической памяти (таблица), названия направлений предложены автором настоящего исследования в соответствии с содержанием рассматриваемых исследований.

Классификация научных подходов к изучению феномена исторической памяти

Classification of scientific approaches to the study of the phenomenon of historical memory

Подход	Направление	Избранные представители	Используемые источники	Методы анализа
Философский подход	Селективная эвристика	К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Ницше, Н. А. Бердяев	Источники исторического, религиозного и антропологического характера. Мнение самих авторов как постулат. Научные публикации иных авторов в области философии	Метод интуитивного прозрения, историко-философская генеалогия, философско-исторический метод [6]
	Концептуальный консерватизм	В. А. Колеватов, Л. Р. Хасанова, Я. С. Яскевич	Научные публикации ученых из разных областей, источники исторического, антропологического и статистического характера	Системный, структурно-функциональный, сравнительный анализ
Исторический подход	Сравнительное направление	П. Нора, А. Ассман	Статистические данные. Высказывания историков и экспертов из других сфер. Правительственные документы, исторические документальные источники	Историко-генетический метод, сравнительно-исторический метод, историко-семантический анализ
	Ретроспективное направление	Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич	Научные публикации историков. Документальные исторические и литературные источники	Историко-генетический, ретроспективный, историко-сравнительный, историко-системный методы
	Темпоральный синтез	А. Варбург, Я. Ассман	Изобразительные и литературно-художественные источники, артефакты (в том числе их декор), религиозные, теологические и документальные исторические источники	Метод иконологии, сравнительно-исторический метод, историко-генетический метод и нарративный анализ

⁷Kagan J. The three cultures. Natural sciences, social sciences, and the humanities in the 21st century // Cambridge University Press : website. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/three-cultures/B0B2BBB8B7254D189C67C0227864E1F4#fndtn-information> (date of access: 24.06.2025).

Окончание таблицы
Ending of the table

Подход	Направление	Избранные пред- ставители	Используемые источники	Методы анализа
Психологический подход	Генетически обусловленное направление	К. Юнг	Интервью с пациентами, до- кументальные исторические и культурологические источ- ники	Метод толкования сновиде- ний
	Культурно обусловленное направление	З. Фрейд, Ф. Ч. Бартлетт	Эксперимент, документаль- ные исторические источники, религиозные и теологические источники, научные публика- ции психологов	Историко-генетический, сравнительный, систем- ный, функциональный, историко-семантический, анализ
Антропологиче- ский подход	Примитивизм	Б. Малиновский, К. Леви-Стросс	Полевые исследования, науч- ные публикации других антро- пологов	Функциональный, срав- нительный, типологиче- ский, структурный анализ
	Модернизм	Р. Бенедикт	Документальные историче- ские источники, художествен- ная литература, официальные политические источники, ин- тервью	Функциональный, сравни- тельный, типологический, структурный анализ, исто- рико-генетический и исто- рико-системный мето- ды
Литературоведче- ский подход	Фотографическое направление	А. Хьюиссен, М. Хирш, С. Сонтаг	Фотографии, документальные исторические и архивные ис- точники	Контекстный анализ, хро- нологический метод, ико- нологический анализ
	Литературное направление	А. Ригни, А. Н. Галямичев, В. Л. Дмитриев, А. П. Логунов	Тексты художественной и на- родной литературы, докумен- тальные исторические источ- ники	Сравнительно-историче- ский, культурно-истори- ческий, биографический методы анализа художе- ственного текста
Лингвистический подход	–	Т. А. ван Дейк, О. Д. Вишнякова, Н. О. Мартюшова, М. С. Фирстов, В. Хлебда	Транскрипты выступлений, публикации в СМИ	Дискурс-анализ, темати- ческий анализ
Политологический подход	–	И. Д. Кириносков, Л. В. Коробицына, А. А. Щедрина	Нормативные правовые акты, статистические и историче- ские источники	Сравнительно-правовой, формально-юридический методы
Социологический подход	Системное направление	Э. Дюркгейм, Ж. Т. Тощенко, И. В. Котляров	Научные публикации авторов различных дисциплин, выс- казывания писателей и поли- тических деятелей	Системный, сравнитель- ный и структурно-функ- циональный анализ
	Источнико- ведческое направление	С. Чарновский, М. Хальбвакс, Р. Айерман	Церковные архивные источ- ники, рукописи, сказки, дан- ные этнографических и исто- рических исследований, песни, биографии	Историко-генетический, сравнительный, историко- семантический, сравни- тельно-типологический и структурно-семантиче- ский методы, системный, функциональный, струк- турный, семиотический и этимологический ана- лиз, дискурс-анализ
	Прикладное направление	Н. Л. Мысливец, В. В. Кулиш	Научные публикации авторов различных дисциплин, данные опросов, интервью, групповых дискуссий	Системный, структурно- функциональный, срав- нительный анализ

В рамках работ, отнесенных к селективной эври-
стике, феномен исторической памяти редуцированно
рассматривается с точки зрения его пользы или вре-
да для человечества в новом ракурсе. Так, К. Маркс
и Ф. Энгельс считали память инструментом мани-

пулирования обществом [6, с. 119], Ф. Ницше гово-
рил о ней как об опыте предков, влияющем на жизнь
потомков [7, с. 8], а Н. А. Бердяев полагал, что с ее по-
мощью индивид получает возможность осознать
свою судьбу [8, с. 26]. Следует отметить, что выводы

были получены авторами при помощи ряда философских методов: философско-исторического метода (К. Маркс и Ф. Энгельс), историко-философской генеалогии (Ф. Ницше), метода интуитивного прозрения (Н. А. Бердяев [9]). Специфика стратегии К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в приведении примеров определенных суеверий и практик ритуального характера, их кратком описании и изложении идей о роли данных ритуалов в жизни индивидов. Выводы Ф. Ницше основываются на избранных исторических примерах, высказываниях философов (например, И. В. фон Гёте). Н. А. Бердяев не цитировал какие-либо источники и акцентировал внимание на духовном характере познания мира; его утверждения базировались на интуитивном познании реальности самим философом.

К недостаткам данного направления можно отнести отсутствие обозначенных источников информации. Важно подчеркнуть, что применяемые исследовательские методы не предполагают прямого взаимодействия с исторической памятью индивидов, что снижает познавательный потенциал направления в отношении содержания исторической памяти. Вместе с этим необходимо отметить, что указанные авторы являлись первопроходцами в области исследования исторической памяти, их идеи имели высокую значимость при построении первичных гипотез о данном явлении в условиях недостатка эмпирических данных. В связи с этим перспективным предстает обращение к разработкам перечисленных исследователей на этапе изучения новых сторон феномена в условиях, когда ресурсы (временные, финансовые, информационные и др.) ограничены.

В рамках исследований, отнесенных к концептуальному консерватизму, проводились систематизация и описательно-сравнительный анализ научной литературы разных дисциплин. Эти методы позволили авторам путем синтеза информации сформулировать выводы о роли исторической памяти в определенном процессе и ее взаимосвязи с другими составляющими данного процесса. Например, В. А. Колеватов определил место исторической памяти в системах передачи информации [10], Л. Р. Хасанова установила ее связь с традициями как механизмом трансляции⁸, а Я. С. Яскевич сделала вывод о влиянии памяти на формирование политической культуры [11; 12]. Перечень методов, используемых в рамках данного направления для работы с информацией, включает структурно-функциональный, сравнительный и системный анализ. Исходными данными выступают публикации ученых из разных научных областей. В ряде случаев авторы обращаются и к источникам исторического, антропологического и статистического характера. Важно под-

черкнуть, что работы, созданные в рамках данного направления, позволяют получить выводы о степени научной разработанности феномена исторической памяти. Вместе с этим необходимо отметить свойственную представителям концептуального консерватизма склонность к дескриптивности (упоминание в рамках изысканий значительного количества работ), приводящей к тому, что труды авторов становятся похожими на каталоги исследований. Также в рамках таких работ исследователи часто не проводят сбор и анализ собственных эмпирических данных. В связи с этим применение стратегии данного направления предстает перспективным лишь для обобщения имеющегося материала, а также выделения перспективных тем для исследования.

Представители сравнительного направления изучают историческую память, которой обладают современные поколения. Примерами являются работы о содержании современной исторической памяти французов [13] и немцев [14]. Для получения выводов авторы используют специальные исторические методы, такие как историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также историко-семантический анализ. Стратегия авторов базируется на обращении к историческим данным в целях демонстрации развития исторической памяти выбранных наций во времени, после чего авторы переходят к развернутому описанию состояния памяти современных французов и немцев соответственно. Необходимо отметить, что рассматриваемые авторы обращаются к разным источникам: А. Ассман прибегает к синтезу научных публикаций из различных областей, обращений и постановлений представителей власти и исторических источников, тогда как П. Нора использует исторические источники и цитирует историков, статистические данные и официальные постановления органов власти. Вместе с этим для сравнительного направления характерно отсутствие непосредственного изучения содержания памяти индивидов, авторы преимущественно сосредоточены на описании исторических событий, их упрощенной интерпретации. Необходимо отметить, что исследователи также склонны к формированию декларативных утверждений без доказательной базы (например, утверждение П. Нора о том, что книга «Путешествие по Франции двух детей» массово сформировала память общества [13, с. 42]). Данное направление перспективно для рассмотрения изменений в содержании исторической памяти, однако оно позволяет составить лишь ограниченную картину ее предшествующего и современного состояния.

В противоположность данным авторам представители ретроспективного направления акцентируют внимание на изучении исключительно содержания исторической памяти. Так, Ж. Ле Гофф и А. Я. Гуревич

⁸Хасанова Л. Р. Социальная память нации (социально-философский анализ традиций башкирского народа) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Уфа, 2000. 25 с.

исследовали память населения средневековой Европы [15], жителей Норвегии и Исландии [16] соответственно. Свои выводы авторы основывали на изучении исторических источников (архивные литературные и церковные сведения [15], саги и поэтические сборники [17]), редко обращаясь к научным публикациям других историков. Для получения выводов представители данного направления использовали историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и ретроспективный методы. Фактически стратегия указанных авторов представляет собой описание быта людей прошлого, роли и специфики их исторической памяти (например, роли семейных саг). Работы Ж. Ле Гоффа и А. Я. Гуревича основываются на концептуальном контуре, не отличающемся значимой широтой и разработанностью. Необходимо отметить, что внимание авторов сосредоточено на понимании содержания памяти прошлых поколений в контексте изучения их мировоззрения, жизни в целом. Работы содержат более глубокий анализ данных о прошлом в сравнении с публикациями представителей сравнительного направления, исследователи выходят за пределы описания произошедших ранее событий. Вместе с этим представители ретроспективного направления в силу специфики своей деятельности не взаимодействуют с памятью людей напрямую. Применение стратегии данного направления перспективно для рассмотрения содержания исторической памяти прошлых поколений, но оно не позволяет оценить состояние памяти современных индивидов.

В свою очередь, в рамках темпорального синтеза за основу берется преемственность образов в исторической памяти поколений. В качестве представителей этого направления можно указать А. Варбурга, изучавшего содержание памяти европейцев [18], и Я. Ассмана, исследовавшего историческую память евреев [19]. Я. Ассман концентрировал внимание на религиозных и теологических произведениях, тогда как А. Варбург изучал визуальные произведения искусства (фрески, картины), артефакты (саркофаги, костюмы, скульптуры). Данный факт имеет прямую связь с набором методов, использовавшихся авторами: Я. Ассман применял сравнительно-исторический и историко-генетический методы, а также нарративный анализ, тогда как А. Варбург – метод иконологии [20, с. 31] и сравнительно-исторический метод. Несмотря на подобные различия, авторы прослеживают наличие одинаковых образов и изменение в их форме, функциях или содержании в зависимости от эпохи. Важно отметить, что преимуществом данного направления выступает разнообразие источников данных. Представители направления не нуждаются в обращении к непосредственному

изучению содержания исторической памяти современных поколений.

В рамках генетически обусловленного исследовательского направления историческая память рассматривается как закрепленный в сознании каждого индивида набор идентичных архетипов⁹ и инстинктов [21, с. 45, 192] – коллективное бессознательное. Представителем этого направления выступает К. Г. Юнг. Исходными данными для анализа являлись транскрипты содержания сновидений его пациентов. Для получения выводов автор обращался к методу толкования сновидений [22], с помощью которого он интерпретировал содержание снов, основываясь на своих знаниях в области истории и культуры, полученных путем изучения исторических и культурологических источников. Фактически, стратегия К. Г. Юнга включала последовательное описание следующих аспектов: 1) образа (или их ряда), который приснился пациенту; 2) условий жизни пациента, которые, по мнению психолога, являлись причинами этого сна; 3) примеров образов и их прошлых трактовок. Важно отметить, что выбранные исследователем теоретическая основа и методы затрудняют возможность верификации его изысканий. Несмотря на это, рассматриваемое направление обладает преимуществом с точки зрения изучения бессознательного содержания исторической памяти, поскольку в рамках других направлений внимания на этом не акцентируется.

В свою очередь, представители культурно обусловленного направления считали, что историческая память индивида способна передаваться исключительно при помощи научения. Это положение подтверждали З. Фрейд [23, с. 49] и Ф. Ч. Бартлетт [24]. Исходными данными для З. Фрейда являлись исторические, религиозные и теологические источники, тогда как Ф. Ч. Бартлетт основывал доводы на научной психологической литературе и собственных лабораторных экспериментах. В соответствии с этим для исследований З. Фрейда характерно использование историко-генетического, историко-семантического анализа, в то время как Ф. Ч. Бартлетт применял сравнительный, системный и функциональный анализ. З. Фрейд строил рассуждения на базе постулатов (например, постулате о наличии невыполнимых заповедей, роли одиночных личностей в оформлении культуры сверх-я, основанном на «впечатлении, на следе, которые оставляют ведущие личности» [23, с. 49]), в связи с чем его утверждения носят ярко выраженный гипотетический характер. В свою очередь, Ф. Ч. Бартлетт регистрировал и комментировал изменения в содержании памяти субъектов эксперимента. Следует отметить, что содержательная интерпретация полученных данных в работах представителей этого направления ограничена. Кроме этого,

⁹Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени [Электронный ресурс]. URL: <https://s.siteapi.org/2cd07656e85af28.ru/docs/486d1ee06e5d3d75e23a79ebd56bba5d306f9af8.pdf> (дата обращения: 22.10.2025).

слабой стороной исследований выступает недостаточная концептуальная проработанность тематического поля. Преимуществом направления является непосредственное изучение содержания памяти индивидов.

В рамках примитивизма историческая память рассматривалась как неотъемлемая часть процесса сохранения важных для существования общества знаний. Представители этого направления исследовали общества аборигенов в различных частях мира. Так, Б. Малиновский [25] изучал быт жителей Новой Гвинеи и островов Тробриан, а К. Леви-Стросс [26] – племен центральной Бразилии. Отличительной чертой направления являются «погружение» исследователей в жизнь изучаемого ими общества, сбор информации в ходе проживания на новой местности и общения с аборигенами, производство выводов об актуальном состоянии данного общества на основе полученных сведений. Основным источником данных являлась информация, собранная авторами в ходе исследований. Так, Б. Малиновский применял метод включенного наблюдения и интервью с местными жителями, дополняя полученные данные высказываниями других антропологов. Такую же стратегию использовал и К. Леви-Стросс. Для анализа данных применялись методы функционального, сравнительного, типологического и структурного анализа. Необходимо отметить, что выбранные методы получения сведений не позволяют изучать содержание исторической памяти индивидов массово. Преимуществом указанного направления представляется непосредственное изучение содержания исторической памяти индивидов, наличие возможности фиксировать различия между декларируемым содержанием исторической памяти и его реализацией в жизни общества, а также отсутствие зависимости от заранее построенной теории (преимущественно она выводится на основе полученных данных).

Внимание представителей модернизма сосредоточено на изучении отдельных народов. Так, Р. Бенедикт изучала современное ей японское общество [27]. На примере работы данного автора можно сделать вывод о том, что историческая память рассматривается в качестве некоторых идей и норм, принятых в обществе и влияющих на его членов. Стратегия Р. Бенедикт основывалась на попытке увидеть мир глазами изучаемого народа. Данная стратегия строится на последовательном выделении и подтверждении наличия определенной нормы в современном обществе, а также комментировании ее смысла (в том числе с опорой на исторические примеры). Данными для автора выступали японские исторические, художественные, а также официальные политические источники, дополняемые транскриптами интервью с японцами, которые проводила Р. Бенедикт. В единичных случаях Р. Бенедикт использовала

в качестве источника работы антрополога-предшественника Дж. Эмбри. В силу обращения к историческим источникам автор использовал функциональный, сравнительный, типологический, структурный анализ, а также историко-генетический и историко-системный методы. Отсутствие полевых исследований было обусловлено невозможностью поездки Р. Бенедикт в Японию и рассматривалось ею как проблематичная сторона ее стратегии [27, с. 8].

В рамках фотографического направления авторы рассматривают фотографии как носители ряда фрагментов прошлого. Например, А. Хьюссен изучал специфику отражения американских и немецких событий [28], М. Хирш – холокост [29], а С. Сонтаг затрагивала ряд локальных событий (например, испанских, немецких и японских) [30]. Необходимо отметить, что стратегия авторов является сходной: они демонстрируют определенный набор снимков и описывают события, которые запечатлены на них. Однако А. Хьюссен [28, с. 58] акцентирует внимание на описании исторических событий, предшествующих созданию снимка, а также событий, происходивших в период его создания, используя фотографии как иллюстрацию, подкрепляющую историческую справку. В свою очередь, М. Хирш [29, с. 233] демонстрирует определенный набор снимков и трактует их содержание, основываясь на собственных представлениях о прошлом и на том, как его отображает фотография. Наконец С. Сонтаг обращается к историческим данным и интерпретирует смысл снимка на основе личного мнения и общественного мнения, полученного из неизвестных источников [30, с. 26], для определения сходств и различий в первоначальном содержании фотографии и существующих в обществе его трактовок. Важно отметить, что авторы используют контекстный, иконологический анализ и хронологический метод. Недостатком публикаций представителей данного направления выступает преобладание описательной части, посвященной работам из области исторической фактографии, без концептуализации, а также наличие выводов, базирующихся на недостаточно аргументированных авторских интерпретациях. Помимо этого, проблематичным аспектом их исследований является ограничение поля документальных источников информации исключительно фотографиями.

Представители литературного направления рассматривают в качестве хранителей образов исторической памяти художественную и народную литературу. Например, А. Н. Галямичев изучал избранные работы С. Чеха [31], В. Л. Дмитриев и А. П. Логунов – отдельные труды Ч. Айтматова [32], Е. Л. Тирон – произведения тувинцев о восстании шестидесяти богатырей в Туве [33], А. Ригни – работы В. Скотта [34]. Стратегия данного направления основана на последовательном биографическом описании жизни

автора и ключевых событий актуальной ему эпохи (в случае народных произведений – только ключевых событий), характеристике отображенных в произведении событий, образов, а также трактовке заложенных в них смыслов или фиксации авторской оценки событий. Представители этого подхода используют документальные исторические источники, литературные произведения. В перечень методов, характерных для данного направления, входят сравнительно-исторический, культурно-исторический и биографический методы анализа художественного текста. К недостаткам направления следует отнести ограничение поля источников исключительно художественной литературой, приравнивание исторической памяти поколений к содержанию произведений отдельных авторов, а также тот факт, что представление об исторической памяти у отдельных исследователей связывалось с коммерческим успехом рассматриваемых работ [34, с. 5].

В рамках лингвистического подхода ключевым выступает положение о том, что при помощи различных СМИ аудитории транслируется содержание, впоследствии входящее в ее историческую память. Так, Т. А. ван Дейк изучал речи Д. Строкса [35], О. Д. Вишнякова и Н. О. Мартюшова – речи членов королевской семьи Великобритании [36], М. С. Фирстов – выступления председателей бундестага [37], а В. Хлебда – публикации в польских СМИ [38]. Стратегия авторов сводится к выделению в тексте (множестве текстов) определенных слов и словосочетаний, их трактовке с точки зрения заложенного смысла. Исследователи применяют такие методы, как дискурс-анализ (Т. А. ван Дейк, О. Д. Вишнякова, Н. О. Мартюшова, М. С. Фирстов), тематический анализ (В. Хлебда). Недостатками подхода выступают отсутствие описания процедур и обоснования методологической части, приводящие к формулировке спорных выводов (например, толкование оборота «все мы знаем» как манипуляции [35, с. 210]), и ограничение потенциала содержательной трактовки.

Представители политологического подхода рассматривают историческую память как представление населения страны о прошлом и одновременно как основу проводимой государством политики (в силу способности исторической памяти легитимировать проводимые им действия). Внимание авторов направлено на рассмотрение специфики взаимодействия власти с исторической памятью на законодательном уровне. Так, И. Д. Киринос рассматривает статьи Конституции Российской Федерации [39], а внимание Л. В. Коробицыной [40] и А. А. Щедриной [41] сосредоточено на ряде разрозненных статей из различных государственных законов. Стратегия представителей данного направления состоит в описании содержания (изменений в содержании) нормативно-правовых актов, находящихся в основе государственной политики по взаимодействию

с исторической памятью. Иногда исследователи обращаются к информации из официальных источников, например к общественным опросам, журнальным и газетным публикациям. Ученые применяют формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Необходимо отметить, что существенное ограничение указанного подхода состоит в том, что анализ нормативных правовых актов не позволяет отследить успешность их реализации, отраженную в содержании исторической памяти населения страны.

В рамках системного направления историческая память воспринимается как важное для жизни общества социальное явление, выполняющее определенную роль (например, передача знаний поколений [42], формирование восприятия мира [43]), или выступает в качестве основы существования цивилизационного кода [44]. Стратегия авторов построена на обращении к публикациям представителей разных направлений, анализе и описании роли исторической памяти в различных областях социума. Они применяют такие методы, как структурно-функциональный, сравнительный и системный анализ. В связи с этим публикации ученых характеризуются отсутствием собственных эмпирических данных. Преимуществом направления выступает то, что авторы уделяют меньше внимания ограниченной по эвристическому потенциалу дескрипции.

Авторы, отнесенные к источниковедческому направлению, рассматривают историческую память как важное для жизни общества социальное явление, которое основывается на определенных материальных и нематериальных следах, формах культуры. В связи с этим стратегия представителей данного направления построена на изучении определенных форм культуры, а также трактовке их содержания и роли в обществе. Так, М. Хальбвакс обращался к изучению исторических и церковных архивных источников (записок паломников и архивистов IV–XV вв.) в целях изучения изменений в содержании исторической памяти христиан [45]. С. Чарновский исследовал историческую память ирландцев о святом Патрике [46], а также память поляков [47; 48] путем самостоятельного изучения рукописей, сказок, данных этнографических и исторических исследований. В свою очередь, Р. Айерман [49] изучал тексты песен афроамериканцев для понимания их исторической памяти о рабстве; ученый также обращался к историческим и биографическим документам. В связи с этим необходимо отметить разнообразие применяемых исследовательских методов (историко-генетический, историко-семантический, сравнительный, сравнительно-типологический и структурно-семантический методы, системный, функциональный, семиотический и этимологический анализ, дискурс-анализ), что выступает преимуществом данного направления.

В рамках прикладного направления историческая память выступает в качестве важного социального явления, ориентированного на актуальное содержание памяти определенных социальных групп и общностей. Так, Н. Л. Мысливец изучает историческую память белорусской молодежи [50], а В. В. Кулиш – историческую память охотников Алтая [51]. Ученые используют данные, полученные в результате проведения анкетного опроса, интервью и групповой дискуссии. Недостатками

анкетного опроса выступают формализованность результатов, отсутствие глубины и детализации информации, преимуществом служит возможность получения репрезентативной информации о содержании исторической памяти. Слабой стороной интервью и групповой дискуссии является ограниченная репрезентативность информации, преимуществом – детализированность сведений и возможность получения неочевидных выводов об исторической памяти.

Заключение

Историческая память является междисциплинарной предметной областью, к изучению которой проявляется значительный интерес со стороны научного сообщества. Данный феномен исследуется при помощи широкого спектра методов через ряд концептуальных призм. Комбинирование дисциплинарных подходов позволяет осуществить комплексное изучение исторической памяти. Социологический подход демонстрирует наибольший потенциал в качестве ядра интегративной исследовательской стратегии рассмотренных дисциплинарных подходов в силу следующих причин: 1) возможности получения репрезентативной информации о содержании

исторической памяти; 2) наличия разнообразных методов сбора эмпирической информации непосредственно от представителей разных поколений, которые являются носителями исторической памяти, а также методов анализа документов (рукописей, сказок, автобиографий и др.); 3) возможности проведения темпорального сравнительного анализа.

Таким образом, обращение к ряду других дисциплинарных подходов позволяет дополнить, детализировать и верифицировать полученную информацию, избежать «слепых зон» и применить специфические инструменты в конкретной исследовательской ситуации.

Библиографические ссылки

1. Бафоев ФМ. Историческая память в мировой политике. Роль ООН и других международных организаций. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017;1(часть 4):180–182. EDN: XQOCIB.
2. Калачёва ИИ, Ефимова НВ, Пинчук ИВ. Историческая память в коммуникации старших и младших поколений: теоретическое измерение. *Современная молодежь и общество*. 2022;10:16–23. EDN: LFHLJP.
3. Буланова МА, Коркия ЭД. Социологические аспекты изучения социальной памяти в трудах отечественных и зарубежных ученых. *Молодежный научный форум: общественные и экономические науки*. 2015;9:7–18. EDN: VBURBT.
4. Peart SJ. The past as a public good. *Society*. 2012;49:240–246. DOI: 10.1007/s12115-012-9537-9.
5. Allen MJ. The poverty of memory: for political economy in memory studies. *Memory Studies*. 2016;9(4):371–375. DOI: 10.1177/1750698016661131.
6. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения*. Том 8. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. 705 с.
7. Ницше Ф. *Утренняя заря*. Москва: Фолио; 2010. 141 с.
8. Бердяев НА. *Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы*. Берлин: Обелиск; 1923. 268 с.
9. Касавина НА. «Ничего, кроме человека...» (к 100-летию работы Н. А. Бердяева «Мирозерцание Достоевского»). *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023;6(4):35–61. DOI: 10.17323/2658-5413-2023-6-4-35-61.
10. Колеватов ВА. *Социальная память и познание*. Москва: Мысль; 1984. 189 с.
11. Яскевич ЯС. Политическая культура как феномен исторической памяти и консолидации белорусского общества. *Проблемы управления*. 2015;3:126–136. EDN: UKWQPB.
12. Яскевич ЯС. О роли и необходимости идеологии и исторической памяти о Беларуси в современной культуре. В: Коршунов ГП, редактор. *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества. Материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Сугарт; 2019. с. 96–98.
13. Нора П. *Франция-память*. Хапаева Д, переводчик. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет; 1999. 328 с.
14. Ассман А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. Хлебников Б, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 328 с.
15. Astarita C. Le Goff. Balance crítica de un legado. *Sociedades Precapitalistas*. 2014;3(2):1–34.
16. Гуревич АЯ. *История и сага*. Москва: Наука; 1972. 199 с. (Из истории мировой культуры).
17. Гуревич АЯ. *Избранные труды. Норвежское общество*. Москва: Традиция; 2009. 470 с. (Письмена времени).
18. Васильев А. Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и историей искусства. *Искусствознание*. 2009;1–2:16–39. EDN: KGLOTT.
19. Assmann J. Exodus and memory. In: Levy TE, Schneider T, Propp WHC, editors. *Israel's exodus in transdisciplinary perspective: text, archaeology, culture, and geoscience*. London: Springer; 2015. p. 3–15.
20. Торопыгина МЮ. *Иконология. Начало: проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга*. Москва: Прогресс-традиция; 2015. 368 с. EDN: VRSINH.

21. Юнг КГ. *Человек и его символы*. Зеленский ВВ, переводчик. Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2020. 405 с.
22. Берестнев ГИ. Лингвистика и толкование сновидений у К. Г. Юнга: открытие метода. *Слово.ру: балтийский акцент*. 2015;1:21–31. EDN: UMSCYX.
23. Фрейд З. *Недовольство культурой*. Москва: Фолио; 2013. 224 с.
24. Bartlett FC. *Remembering: a study in experimental and social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. XIX, 342 p.
25. Малиновский Б. *Магия, наука и религия*. Москва: Академический проект; 2015. 298 с. (Философские технологии. Социокультурная антропология).
26. Леви-Стросс К. *Путь масок*. Островский АБ, переводчик. Москва: Республика; 2000. 399 с.
27. Бенедикт Р. *Хризантема и меч: модели японской культуры*. Корнилов МН, Лазарева ЕМ, Николаев ВГ, переводчики; Лесных ИС, редактор. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2013. 256 с. (Книга света).
28. Huyssen A. *Present pasts: urban palimpsests and the politics of memory*. Stanford: Stanford University Press; 2003. 186 p.
29. Hirsch M. *The generation of postmemory: writing and visual culture after the Holocaust*. New York: Columbia University Press; 2012. 319 p.
30. Сонтаг С. *Смотрим на чужие страдания*. Голышев В, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2014. 96 с.
31. Галямичев АН. Образ гуситской эпохи в сатирической повести С. Чеха «Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие». *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения*. 2010;10(1):74–77. EDN: MVHSCT.
32. Дмитриев ВЛ, Логунов АП. «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова в memory studies. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020;4(часть 2):122–129. EDN: LGDQDG.
33. Тирон ЕЛ. Историческая память о восстании «Алдан Маадыр» в песенном фольклоре тувинцев. *Сибирский филологический журнал*. 2017;4:51–57. DOI: 10.17223/18137083/61/5.
34. Rigney A. *The afterlives of Walter Scott: memory on the move*. New York: Oxford University Press; 2012. 348 p.
35. ван Дейк ТА. *Дискурс и власть*. Кожемякин ЕА, Переверзин ЕВ, Амагов АМ, переводчики. Москва: Либроком; 2013. 344 с.
36. Вишнякова ОД, Мартюшова НО. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2022;8(3):3–19. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1.
37. Фирстов МС. Социально-ритуальная устная монологическая публичная речь как вербальный элемент коммеморативной традиции. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2025;47(3):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1160.
38. Chlebda W. O wyznaniach i zadaniach pamięcioznawstwa lingwistycznego. *LingVaria*. 2019;14(28):147–164. DOI: 10.12797/LV.14.2019.28.10.
39. Кирносов ИД. Историческая память как категория конституционного права. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2024;24(1):99–106. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106.
40. Коробицына ЛВ. Историческое наследие как ценность российского общества: историко-правовой ракурс. *История: факты и символы*. 2023;35(2):118–125. DOI: 10.24888/2410-4205-2023-35-2-118-125.
41. Щедрина АА. Становление и развитие законодательства РФ, регулирующего политику памяти. *Вестник науки*. 2024;3(6):958–966. EDN: GDOATB.
42. Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. Апполонов А, Котельникова Т, переводчики. Москва: Дело; 2018. 736 с.
43. Тощенко ЖТ. Манкуртизм как деформация исторического сознания. *Социология власти*. 2010;1:6–16. EDN: KVYRGM.
44. Котляров ИВ. Историческая память как важнейший фактор цивилизационного кода (социологический дискурс). *Доклады Национальной академии наук Беларуси*. 2018;62(3):364–373. DOI: 10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373.
45. Halbwachs M. *La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective*. Paris: Presses Universitaires de France; 1941. 207 p.
46. Czarnowski S. *Le culte des héros et ses conditions sociales: Saint Patrick, héros national de l'Irlande*. Paris: Librairie Félix Alcan; 1919. 369 p.
47. Czarnowski S. *Spółczeństwo – kultura. Tom 1, Prace z socjologii i historii kultury*. Warszawa: Polski Instytut Socjologiczny; 1939. 558 s.
48. Чарновский С. Прошлое и настоящее в культуре. Васильев АГ, переводчик. *Диалог со временем*. 2013;45:323–341.
49. Eyerman R. *Cultural trauma: slavery and the formation of African American identity*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 316 p.
50. Мысливец НЛ. Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодежи (из опыта социологических исследований). *Вестник Института социологии*. 2022;13(1):26–43. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.772.
51. Кулиш ВВ. Историческая память охотников степных и лесостепных районов Алтайского края (по материалам социологического исследования). *Современные исследования социальных проблем*. 2016;1(57):139–148. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-1-13.